

Философия Права

№ 6 (61)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит шесть раз в год
Свидетельство о регистрации
№ 019290 от 30 сентября 1999 г.

2013

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по философии, социологии и культурологии, праву, политологии

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 7

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- Стрельченко В. И.
ДАРВИНИЗМ И ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПРЕДЫСТОРИИ
ЖИЗНИ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ) 8
- Беспалова Т. В.
ПРОБЛЕМЫ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭТИКИ 13
- Бритов В. А., Верещагин В.Ю.
РАЗУМ И ПРИРОДА: ОТ «ОБРАЗА ВРАГА» – К СИМБИОЗУ (ДИАЛОГ ФИЛОСОФА
И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ) 23

ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРА, ПРАВО

- Мограбян А. С., Працко Г. С.
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА
НА ВНЕШНИЙ ОБЛИК 28
- Кожурин А. Я.
А. И. ГЕРЦЕН И РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ 33
- Константинов М. С.
ИМЕНИТЫЙ ANONYMOUS: КОНЦЕПТЫ И СИМВОЛЫ САПАТИСТСКОГО
ДВИЖЕНИЯ 41
- Шуваева О. М.
ПОНЯТИЕ «ФАНТАЗИЯ» В АНТИЧНОЙ ПРЕДНАУКЕ 45

М. С. Константинов

ИМЕНИТЫЙ ANONYMOUS: КОНЦЕПТЫ И СИМВОЛЫ САПАТИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье анализируется ценностно-символическое содержание работ идеолога сапатистского движения субкоманданте Маркоса. Рассматривая базовые политические концепты идеологии сапатизма, автор выявляет символические средства их выражения и воплощения в практике политической борьбы.

Ключевые слова: политика, идеология, идеологема, концепт, символ, миф, сапатизм.

Мы приносим извинения за неудобства,
но это – революция...

Субкоманданте Маркос, 1 января 1994 г.,
Сан-Кристобаль-де-лас-Касас, Чьяпас, Мексика

«Неизвестной иконой» назвала субкоманданте Маркоса канадская журналистка и писательница, один из лидеров альтерглобализма Наоми Кляйн [1, р. 15]. Но вряд ли эту характеристику можно признать удачной. Напротив, Маркос очень известен. Главный идеолог сапатистского движения субкоманданте инсурхенте Маркос – человек, о котором известно немало: правительству Мексики удалось узнать его имя (предположительно – Рафаэль Себастьян Гильен Висенте), его биографию; достаточно хорошо известны его цели и т. д. Маркос стоял у истоков международного альтерглобалистского движения и пользуется заслуженной славой и уважением в этой среде. Маркос – человек-загадка, символизирующий анонимность, но при этом сам ставший весьма «именитым» в первоначальном значении этого слова, т. е. «имеющим имя», «известным», «знаменитым». И при этом он категорически не желает превращаться в икону.

О Маркосе и олицетворяемом им движении написано более чем достаточно. Бельгийский историк сапатистского движения Ян де Вос язвительно заметил по этому поводу, что «лавина интерпретирующей и информирующей литературы [о сапатистах] вместо того, чтобы стимулировать аппетит, скорее вызывает расстройство желудка» [2, р. 16]. Безусловный литературный талант, ораторский дар, таинственность в сочетании с публичностью, яркая и продуманная символика, и даже некоторый эпатаж не могли не привлечь к себе внимания журналистов, публицистов, философов и молодежи, особенно левых. Джеф Конант называет этот эффект популярно-

сти поверхностно воспринятых образов революционной борьбы «феноменом футболки с Че Геварой» [2, р. 13]. Благодаря блестящим статьям и переводам Олега Ясинского, замечательным публикациям Бориса Кагарлицкого, Александра Тарасова [3; 4; 5; 6; 7; 8], рецензиям на переведенные сборники работ Маркоса «Другая революция» и «Четвертая мировая война», Маркос достаточно известен сегодня и в России.

И тем не менее актуальность исследования ценностно-символического содержания работ субкоманданте Маркоса несомненна. Во многом его судьба, как и судьба движения, которое он олицетворяет, значима и для российского общества. Прежде всего, речь идет об опыте Маркоса в разработке идеологии, сумевшей завоевать сердца сотен тысяч людей и получить массовую поддержку. Эта идеология возникла далеко не сразу. Утонченный марксистский интеллигент, Маркос ушел в горы Чьяпаса в Юго-Восточной Мексике с целью агитировать местную бедноту за революцию против буржуазии. В интервью корреспондентам уругвайского журнала «Эль-Обсервадор» Маркос признавал: «Мы были... марксистами-ленинцами, а индейская реальность начала шлифовать края и превратила [квадрат] в нечто круглое... Нам говорили: “Мы тебя не понимаем”. Построение диалога началось в тот момент, когда мы уже разделяли основные идеи индейцев» [7, с. 213]. В многочисленных коммюнике, письмах, статьях и т. д., с которыми можно ознакомиться в сборниках «Голос огня» (1994 г.), «Хватит!» (в 2 т., 1996), «С гор юго-восточной Мексики» (1999), «Слово – наше оружие» (2002)

и многих других, популярный субкоманданте выразил идеологию и мифологию сапатистского движения. Богатейшая символика этой идеологии, в сочетании с отказом Маркоса от вооруженной борьбы в пользу диалога и гражданского общества, – все это делает крайне актуальным исследование концептов и символов сапатизма, развиваемого знаменитым субкоманданте.

Имя *Anonimus'a*. Революции имеют своих вождей, символы и иконы: Робеспьер, Ленин, Мао, незабвенный Че... Идеология сапатизма прямо противоположна такой персонификации революционных движений. Человек, которого знают под псевдонимом «Маркос», демонстративно анонимен. Единственный символ, персонализирующий самого Маркоса, – курительная трубка. Его псевдоним, скрывающий имя, сам стал символом, выражающим не какие-то личные качества интеллектуального «вождя» сапатистов, но знаковое для данного движения событие – начало вооруженного восстания. Среди исследователей сапатизма достаточно широко распространено предположение, что этот псевдоним составлен из первых букв названий городов в Чьяпасе, которые сапатисты заняли 1 января 1994 г.: Маргаритас, Алтамирано, Ла Реалидад, Чанал, Окосинго и Сан Кристоаль (исп.: Margaritas, Altamirano, La Realidad, Chanal, Ocosingo и San Cristybal).

Равенство в безличии. Сапатистское движение «прекрасно осведомлено о власти слов и символов» [1, р. 17]. Это неоднократно признает и сам Маркос [7, с. 216]. Символы и метафоры оставляют простор воображению. Они призваны не столько объяснить видимое, сколько выразить скрытое. Идеальным претендентом на подобную репрезентацию в сапатизме стала черная лыжная маска – «пасамонтаньяс» (исп. Pasamontacas), – призванная не столько скрыть лицо, сколько подчеркнуть тождество с другими людьми в таких же масках. Борис Кагарлицкий в статье с говорящим названием «Магическая революция» [3] сравнивает Маркоса с персонажем книг Джонстона Маккалли и героем многих знаковых фильмов Зорро: «Североамериканским или европейским сознанием Маркос воспринимался как новый Зорро, хотя на самом деле маска сапатиста и маска Зорро – прямые противоположности. Маска Зорро скрывала глаза. Сапатистская маска скрывает все, кроме глаз. Зорро прячет лицо ради безопасности: возвращаясь после подвигов, он продолжает свою обычную жизнь провинциального аристократа. Зорро – индивидуалист, и его маска лишь подчеркивает индивидуальность. Маркос – коллективист. Маска делает его неотличимым от рядовых бойцов» [3].

Согласно Маркосу, одной из ключевых функций маски было «предотвратить каудилизм» (от исп. Caudillo – «предводитель») [1, р. 134]. Поэтому маску субкоманданте носит только при посторонних; в сапатистских общинах в ней нет необходимости, его там знают таким, какой он есть, «безо всех этих причиндалов, связанных с маской» [7, с. 216].

Другая ее функция – нивелировать индивидуальность, сделать прозрачным самого человека, устранить его личные интересы, эгоистичные мотивы и т. д., когда он передает послание, говорит не от себя, а от лица других. Маркос – прежде всего медиатор. Он постоянно говорит о себе как о передающем какое-то сообщение от одного участника коммуникации другому: от имени старика Антонио рассказывает сказки детям и транслирует всему миру мудрость многих поколений индейцев, от имени детей передает желания и мечты детства, от имени женщин актуализирует женские проблемы, от имени жучка Дурито излагает теоретические пассажи о неолиберализме (и даже позиционирует себя в качестве «оруженосца Дурито»). Свою коммуникативную роль Маркос подчеркивает самоиронией: он чихает, когда обсуждаются важные дела, описывает, как над ним подтрунивают товарищи, постоянно себя позиционирует в качестве эдакого недотепы, любящего конфеты. В нем нет и следа вождизма или культа личности. Маркос как бы постоянно говорит: «Я, моя судьба, мои качества – это все неважно. Гораздо важнее то, что за моей спиной – тот народ, который я защищаю и чьи интересы отстаиваю».

На площади Сокало в Мехико 11 марта 2001 г. Маркос в очередной раз подтвердил свою медиативную функцию: «... Мужчины, дети, женщины и старики, поддерживающие Сапатистскую Армию Национального Освобождения, чьи ноги ведут нас, чьими голосами мы говорим, чьими глазами видим, чьими ушами слышим... Именно они достойны видеть вас, и слушать вас, и говорить с вами» [2, р. 156]. Это нарочитая безличность [non-self], по словам Хуаны Понсе де Леон, позволила Маркосу стать «голосом индейских общин. Он прозрачен и он иконографичен» [1, р. 16]. Олег Ясинский обратил внимание на тот факт, что все интервью Маркоса даются им исключительно во множественном числе. По его мнению, смысл маски не в том, чтобы скрыть себя, но в том, чтобы открыть другого, т. е. свою полную противоположность [7, с. 32].

Маска, символизирующая Других. Еще одним из аспектов маски, «важнейшим для ее по-

этики и для ее пропагандистской функции, является способность представлять [conjure] своего рода «радикальную инаковость» [2, р. 148–149]. Маска есть символ тех, чья идентичность не вписывается в доминирующую культуру. Анонимность и безликость символически оборачивается властью и угрозой: «Сапатисты определяли и определяют себя как *“Los bombres sin rostro”*: мужчины без лиц. Скрывая свои лица, они утверждали свой статус в качестве *других*, невидимых. Выбирая своей отличительной характеристикой бандитскую маску, маску ритуального жертвоприношения, они устанавливают позицию субъекта, с которой они могут говорить с властью. Учреждая коллективную идентичность, лыжная маска достигает, пожалуй, одной из главных символических побед восстания: она выражает презрение и освобождение от класса, который ранее презирал и отвергал ее» [2, р. 149]. И действительно, согласно Маркосу, черный цвет маски был выбран потому, что он обычно презираем и потому, что это цвет земли [7, с. 215–216].

Символика зеркал. Черная маска есть зеркало, отражающее собственную борьбу каждого из ее участников. Этим обусловлена символическая важность зеркала: «Мы здесь, и мы – зеркало. Не реальность, лишь ее отражение. Не свет, лишь его отблеск» [2, р. 158]. Традиционно в политическом дискурсе смысл символа «зеркало» означает демонстрацию того, как обстоят дела «на самом деле». Зеркало отражает реальность или изображение кого-то «объективно». Отсюда «кривое зеркало», означающее искажение объективной реальности в политических целях. В символической системе Маркоса зеркало призвано актуализировать человеческое достоинство: «Мы – зеркало. Мы здесь, чтобы увидеть друг друга и показать себя другим, чтобы ты, увидев нас, увидел себя, чтобы другой встретил себя в нашем взгляде» [2, р. 158]. И, напротив, «кривым» зеркало становится только тогда, когда в него смотрит власть, надеясь увидеть себя вечной и всемогущей. Но эти надежды, по убеждению Маркоса, тщетны: «Великие мудрецы предсказывают [власти] великие триумфы, восхваление, рассеянные повсюду статуи. Ворчун предсказывает: “Ты будешь править только до тех пор, пока джунгли не подойдут прямо к твоему дворцу”. Редкие тени уже множатся в горах» [2, р. 86].

Таким образом, у Маркоса смысл символа «зеркало» меняется радикально. Он говорит: мы есть зеркало, и важно то, чтобы ты увидел в нас себя. То есть «зеркало» смотрящему в него открывает истину о единстве человеческого рода. При этом, выступая в роли «зеркала», беря на себя

его функции, Маркос и здесь следует принципу медиативности: говоря «мы», он имеет в виду не себя лично и конкретно, но всех представителей других рас, конфессий, сексуальных ориентаций, классов и т. д. «Зеркало» в том смысле, которое Маркос придает этому символу, не есть нечто разделяющее и отражающее; напротив, зеркало должно стать стеклом, которое надлежит разбить. В результате подобных манипуляций данная метафора превращается в символ не разделяющий, но объединяющий, разрушающий все перегородки между людьми.

Мы – те, кто умер во имя жизни. Итак, «маска служит тому, чтобы уравнивать, объединить всех в борьбе, как одно целое. Так работает жертвенная этика: “Мы – те, кто умер во имя жизни”» [2, р. 137]. Тем самым, в поэзии маски появляется и очень личный для Маркоса момент, который связывает его биографию с историей его страны. Фактически он и другие бойцы САНО обрекли себя на жертву: «Когда сапатисты говорят нам: “Мы умерли навсегда... во имя жизни”, они призывают предков, говоря голосами предков или позволяя предкам говорить через них. Они также предупреждают нас, что смерть для них не конец, но начало» [2, р. 145]. Можно предположить, что с идеей смерти как перерождения связано и изменение Маркосом даты своего «рождения». Он настаивает, что родился 1 января 1994 г. – в день, когда началось вооруженное восстание в штате Чьяпас.

Карлос Монсивайс описывает показательный в данном контексте случай, когда, выступая в августе 1994 г. перед сотнями мексиканских интеллектуалов, студентов, крестьян и т. д., Маркос предложил публично снять маску: «Если хотите, я сниму ее прямо сейчас. Только скажите». На что толпа отреагировала единодушным «Нет! Не делай этого!». «Эта сцена, – заключает К. Монсивайс, – изумительна тем, что метафорически подтверждает: Маркос без лыжной маски не приемлем, не фотогеничен [photographable], он перестает быть живой легендой» [2, р. 136].

В наших мечтах мы видели другой мир. Итак, жертва приносится во имя жизни. Как и в любой идеологии, в сапатизме есть мечта о лучшем, более справедливом мире. Уже в одной из первых деклараций сапатистов провозглашаются ценности свободы, справедливости и демократии [2, р. 18]. Тем не менее главные ценности сапатизма не демократия, не свобода и даже не равенство. Этим ценностям в движении придается огромное значение, но все-таки не ключевое. Чаще всего Маркос говорит о достоинстве: «...Здесь достоинство видеть как нас видят в на-

шем цвете, цвете земли... Здесь место, скрытое раньше» [2, р. 158]. Символическим выражением достоинства является изображенная на флаге САНО красная пятиконечная звезда на черном фоне, репрезентирующая землю. В этом символе «живет человек: голова, две руки, и две ноги, и красное сердце, которое объединяет эти пять частей и делает их одним целым. Мы – люди и это означает, что у нас есть достоинство» [2, р. 24].

Под достоинством, прежде всего, понимается право на сохранение собственной идентичности и на ее представленность в публичном пространстве: «...У власти есть армия и полиция, чтобы вынудить тех, кто “другие”, “отличающиеся”, быть такими же, как все... Мы, сапатисты, говорим: “Я – это я. А ты – это ты. Давайте построим мир, в котором я могу быть собой, и никто не заставит меня быть другим; в котором ты можешь быть собой, и никто не заставит тебя быть другим; и где ни я, ни ты не заставим другого походить на меня или на тебя»» [2, р. 169]. Отсюда декларируемая цель акций САНО: «Мы пришли сюда сказать “это – мы”... Мы пришли сюда, чтобы нас видели» [2, р. 158]. Для защиты достоинства идентичности и возникает сапатизм как политическая идеология и практика: «Другое имя заслоняло наше... Мы пришли сюда сказать “мы здесь” и мы здесь с вами» [2, р. 158].

Мы не авангард. Мы – одни из вас. В этом контексте вполне понятно, что отношение Маркоса к идее авангарда, авангардной партии и т. п. крайне негативное. Он обвиняет левые движения в претензиях говорить от имени других, вместо того, чтобы предоставить слово самим этим «другим», самоустранившись в процессе коммуникации. Подобные претензии Маркос называет «политической мастурбацией»: «Считать, что мы можем быть авангардом, т. е. что мы можем говорить от имени тех, кто нами не является, – это политическая мастурбация. А в некоторых случаях не происходит и этого, потому что даже не доставляет удовольствия онанизма» [9]. При всей символической значимости понятий «человечество», «неолиберализм», «эксплуатируемое большинство» и т. д., при четко обозначенной медиативности своей позиции, сапатисты отказываются говорить от имени большинства. Напротив, Маркос всегда выступает от имени меньшинств, при этом, правда, подчеркивая их единство как представителей человечества.

По этой же причине Маркос отказывается называть сапатизм «идеологией»: «Сапатизм не

есть идеология, это не какая-то купленная и оплаченная доктрина. Это... интуиция. Нечто, настолько открытое и гибкое, что он встречается везде. Сапатизм задает вопрос: “Что есть то, что исключило меня?”, “Что есть то, что изолировало меня?”. В каждом месте ответ разный. Сапатизм просто ставит этот вопрос и предполагает множество вариантов ответа...» [1, р. 45].

Мобилизация без оружия. В мире, о котором мечтает Маркос, отсутствует потребность в армии. Он постоянно сожалеет о том, что САНО* вынуждена быть армией, мечтает об избавлении аббревиатуры САНО от буквы А, подчеркивая тем самым, что контакты индейских общин с правительством и внешним миром посредством армии тяготят его самого: «Мы не должны быть здесь. Те, кто должен быть здесь, – это сапатисты индейских общин, их семь лет борьбы и сопротивления, их глаза и уши» [2, р. 156]. По мнению субкоманданте, сапатизм как идеология и движение превзошел САНО; практики сапатистского символического сопротивления «уменьшили», сделали менее значительной букву А в данной аббревиатуре. Поэтому в качестве дальнейших средств борьбы он рассматривает не вооруженное насилие, но то, что в интервью Габриэлю Гарсиа Маркесу было названо «мобилизацией без оружия» [4].

Сам Маркос выделил три стратегии, которым следуют сапатисты: «Первая стратегия, которую мы называем “огнем”, относится к военным приготовлениям, действиям, битвам, передислокациям. Вторая, которую называют “словом”, имеет отношение к встречам, диалогам, коммюнике, везде, где слово или молчит, или ощущается его недостаток. Третью стратегию можно считать основой всего остального – организационный процесс, который сапатистские общины развивают в течение долгого времени» [2, р. 13]. Таким образом, цель борьбы отнюдь не захват власти – Маркос демонстративно отказывается от участия во власти, предпочитая принцип «править, повинясь», – но создание новых форм самоуправления, практическим выражением которых являются «улитки» – символ согласия и «хорошей власти». Спираль «улитки» означает распространение власти от своего источника – индейских общин – к исполнителям в лице САНО. Тем самым реализуется важнейший принцип сапатизма – «править, подчинясь».

Ограниченные рамки статьи не позволяют рассмотреть все символическое богатство сапа-

* САНО (исп. EZLN – Ejército Zapatista de Liberación Nacional) – Сапатистская армия народного освобождения.

тистской идеологии. Но даже беглого обзора достаточно, чтобы представить и оценить оригинальность и уникальность концептуально-символической системы, выразителем которой является субкоманданте Маркос. Поэтому в заключение можно сказать, что изучение идеологии и практики сапатистского движения позволяет выявить формы концептуального выражения народной символики в политической идеологии, способной мобилизовывать массы на решение актуальных задач.

Литература

1. Subcomandante Markos. Our Word is Our Weapon: Selected Writings. N. Y., 2011.
2. Conant J. A Poetics of Resistance: The Revolutionary Public Relations of the Zapatista Insurgency. Oakland, 2010.
3. Кагарлицкий Б. Ю. Магическая революция // URL: <http://2002.novayagazeta.ru/nomer/2002/61n/n61n-s16.shtml>

4. Сова О. Н. Идеология и практика современных сапатистов сквозь призму мексиканских индейских мифов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 34.

5. Сова О. Н. Сапатисты XXI в.: этапы, концепция и методы партизанской борьбы в Мексике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3.

6. Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка. М., 2002.

7. Субкоманданте Маркос. Четвертая мировая война. Екатеринбург, 2005.

8. Тарасов А. Н. Приключения субкоманданте в России // URL: <http://www.left.ru/2002/24/tarasov74.html>

9. Маркес Г. А. Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу // URL: http://scepis.net/library/id_579.html

О. М. Шуваева

ПОНЯТИЕ «ФАНТАЗИЯ» В АНТИЧНОЙ ПРЕДНАУКЕ

В статье рассматривается эволюция понятия «фантазия» в античной преднауке и философии, определяется ее роль в становлении научного познания, мифологической (донаучной) и рациональной (научной) фантастики.

Ключевые слова: фантазия, фантастический ум, миф, античная философия, преднаука, научное познание, научная фантастика, техногенная культура.

В настоящее время не подлежит сомнению тот факт, что фантазия (представление, воображаемое) играет огромную роль в жизненном опыте и познавательной деятельности человека. В современном мире как для отдельной личности, так и для общества «представляемое», «воображаемое», «допускаемое» фантазии, вообще способность быть причастным к тому, чему «еще нет места», позволяют ориентироваться среди множества абстрактных и условных реальностей. Сферу фантастического нельзя исключить из литературы, изобразительного искусства, кино, где она существует сегодня в виде популярных жанров и веяний (например, в литературе достаточно популярен жанр «фэнтези»). Научные открытия и инновации не совершаются без домысливания реальности, в которой задействована «продуктивная сила воображения» (И. Кант). Становление клас-

сической науки способствовало, помимо прочего, складыванию в XX столетии в особое явление научной фантастики, отражающей самосознание человека современной техногенной культуры и использующей гипотетические достижения науки и техники для объяснения создаваемых фантастических изображений.

Однако на рубеже XX–XXI вв. происходит «размывание» определенности научной фантастики, осознание большой роли творческой свободы автора при создании фантастических феноменов от приписываемых критериев научности. Феномен научной фантастики заслуживает внимания в силу очевидной творческой, конструктивной роли человеческой фантазии вообще и ее оформления в качестве транслятора ценностей современной культуры с ее идеей научно-технического прогресса, а также ее футурологического (прогности-